

Необыкновенно светлый поэт

В феврале 2017 года Орловщина отмечает 85-летие со дня рождения замечательного поэта Дмитрия Блынского.

Дмитрий Иванович – наш земляк, наиболее известный в России из поэтической плеяды орловцев второй половины XX века. Необыкновенно светлый поэт, поэт действия, певец родной природы и какого-то им задуманного, обязательно счастливого будущего, близкого, которое вступит в свои права ближайшей весной. – такие ощущения рождаются у читателя, прикоснувшегося к творчеству этого замечательного человека.

Дмитрий Блынский родился в 1932 году в семье крестьянина в небольшом селе Васютино Дросковского (ныне Покровского) района Орловской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. В студенческие годы, в 1957-м, его, уже тогда яркого, самобытного поэта, приняли в Союз писателей СССР.

Блынский работал в редакции газеты «Комсомольская правда», был корреспондентом газеты «Орловская правда». Стихи его широко публиковались в центральных журналах «Огонек», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Смена», в сборниках «День поэзии», газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и в других периодических изданиях.

Поэт умер в октябре 1965 года. После его смерти книги избранных произведений неоднократно выходили в Москве и Орле.

Творчество Дмитрия Блынского пронизано трепетной, жизнеутверждающей любовью к отчужденному краю. Теме малой родины посвящены и его миниатюры в прозе – лирические зарисовки пейзажей родных мест поэта. В стихах Дмитрия Блынского чувствуется запах тех садов, среди которых он рос, «...звон ручья, бегущего в сельскую речку около их хаты, разлет улиц родного города, солнце своей стороны, ее прошлое, ее будущее».

Орловский Дом литераторов

Дмитрий Блынский

***

Я иду веселым старожилем,
Свое счастье в поле караулю.
По моим пульсирующим
жилкам
Хлещет солнце русского июля.

Льются звуки, веселы и юны,
Так, что слухом наполняюсь
весь я, –
Это тихо солнечные струны
Жаворонок тронул
в поднебесье.

А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, силась разгореться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца.

Распирают грудь густые
ветры,
Так, что я иду, а под ногами
Пройденные мною километры
Кажутся немногими шагами...

***

Май уходит тихо, и куда ты
Взгляд свой перед вечером
ни кинь:
У ручья стоят поляны да мята,
А за ними – мята да поляны.
Май в зеленых травах,
как в сорочке,
Он плывет, подобно кораблю.

Я их не люблю поодиночке,
Я, как в жизни, вместе
их люблю.
Я иду по солнечной долине,
И, влюбленный в эти травы, я
Сладость мяты с горечью
полюбки
Жадно пью, как солнце –
из ручья.

Потому и в песне долю нашу
Не перечерно и не прикрашу.

***

По-бабьи на лодях бедовы,
А дома по-бабьи грустны
Мои деревенские вдовы.
Что любят рассказывать сны.
А в снах – беспокойные страхи
Являются, горе тая, –
К ним сходят мужья
с фотографий,

Совсем молодые мужья.
Седьми ночами им снится,
Что встретиться вновь

суждено,
А каждому – только под
тридцать,
А каждой – за сорок давно...

***

В грубые передники одеты –
У кого в деревне ни спроси, –
Вечно мои прадеды и деды
Плотниками были на Руси.
Не на них ли с малолетства
глядя,

В руки брали сыновья топор.
Потому и мастерами дяди
Значатся в округе до сих пор.
Сколько обтесал отец мой
бревен!

Вот они встают передо мной:
Друг за другом положить
их вровень –
Был бы опоясан шар земной.
На земле стоят дома и хаты.
Далеко б я ни был, я как дома
в них:

Может, здесь стучал
топор когда-то
Одного из родичей моих.
Разве мы когда-нибудь
забудем
То, чем родословная жила,
Коль несли крупицу
счастья людям
Вадох пыли и поворот сверла.
Пусть пора иная наступила,
Век электропил, – твоя пора!
Только родились электропилы
От простой пилы и топора.

Два осколка

Еще не сделал пахарь круга,
Они открылись, как тоска,
Два извлеченных из-под плуга
Стальных заржавленных
куска.

Глядят с ладони зло и колько,
Как раны рваные, страшны,
Глядят на парня два осколка,
Две повстречавшихся войны.
Они мрачны, как непогода,
Загадочны, как тишина,
Война двенадцатого года
И сорок первого война.
Лежат, от солнца съезжась,
рядом,

Морщинистые, как кора,
Один осколок от снаряда,
Другой осколок от ядра.

А пахарь...
Он на плуг присядет,
И вдруг задумается он:
Не тем ли был сражен
прапрадед?

Не этим ли отец сражен?
И вновь за плуг возьмется
пахарь

С тяжелой думой о войне,
Пока набухшая рубаха
Не прикипит к его спине.

Дуб

У Непрядвы над песчаной
кручей
Дуб стоит высокий и могучий.
Словно богатырь, храня леса.
Кажется, свали его – и рухнет
Вместе с ним на землю небеса.
Сколько бурь прошло
над дубом старым.
Не сумев свалить его.

Недаром
Сказ гласил: чтоб дуб
столетия жил,
Русский пахарь
В желудь
При посадке
Силу богатырскую
Вложил.

***

О стихах говорят в этом
доме поэты.
Я у двери стою,
не решаясь войти.
Где ты, смелость моя
деревенская, где ты?
Шла со мною сюда,
да отстала в пути.

Что принес я с собой?
На ладонях мозоли,
Запах лопнувших почек
с весенних берез
Да тетрадку стихов,
где-то сложенных в поле,
где-то сложенных в поле
в жару и в мороз.

Я, как пахарь, их видел
под лемехом плуга,
Как пастух, я встречал их
в глазах у телят.

Даже вьюга, бездушная,
колкая вьюга,
Мне стихами орет так,
что уши болят.

Где бы их ни искал я –
в полях ли, в лугах ли,
Нахожу в каждом колосе,
в песне ручья,
Потому мои строки
земле пропахли,
Как пропахла польною
фуфайка моя.

Рифму я не вертел за столом
по неделе
(Чем причудливей рифма,
тем громче стихи).
На меня они сами, простые,
глядели
То слезинкой цветка,
то сережкой ольхи.

Где ты, смелость моя
деревенская, где ты?
Шла со мною сюда,
да отстала в пути.
О стихах говорят в этом
доме поэты.
Я стучу. Я вхожу. Я обязан
войти.

Здравствуйте!

С ним я подружился
знойным летом –
В дни, когда у деда
был подпаском,
В дни, когда не думал быть
поэтом,
Зная мир по бабушкиным
сказкам.

– Здравствуйте! –
Негромким этим словом
Деда я приветствовал вначале,
Я его произносил коровам,
Но они, как дед, всегда
молчали.

А когда я в луг шагнул с обедом,
Кто-то крикнул мне в ответ:
– Здорово! –
Я любил свой кнут,
сплетенный дедом,
Но еще сильнее это слово.

Я любил сидеть с кнутом
у вяза
Перед стадом, за селом
заречным,
Повторяя за день по три раза
«Здравствуйте» одним
и тем же встречным.

Нравилось,
как сумрачные лица
Озарялись весело при этом.
Разве мог тогда я не
влюбиться

В слово, переполненное
светом!
«Здравствуйте!» –
Всю жизнь свою желаю
Повторять я это слово всюду.
Буду счастлив, если, умирая,
Я сказать «прощайте»
позабуду.

***

Как часто вижу ее во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог
я с нею, –

Ушла, и назад не придет,
Ушла...

Я делал все, что она велела.
В такой овраг на лыжах летел,
Куда сам дьявол,
Взглянув несмело,
Пешком спуститься б
не захотел.

А летом с удочкою с утра я
Часами просиживал у ручья.
И в каждой родинке
На разотравье
Мы с ней отражались –
Она и я.

Со мной под грибными
дождями мокла,
Стояла с рогаткою у плетня
И, целясь в птицу,
Попала в стекло,
Но не ее ругали –
Меня.

Нередко учила с улыбкой
счастливой,
Как в сад проходила
Через ход потайной.
Когда ж меня сторож «гладил»
крапивою,
Стояла и плакала вместе
со мной.

Меня познакомила
с песней звонкой,
С хорошей книгой и мечтой
И даже с девчонкой,
Даже с девчонкой,
Ничуть ревнуя
к девчонке той.

Мы думали думы одни и те же,
Влекли нас одни и те же пути.
Когда ж ее слушаться стал
я реже,

Она от меня
Решила уйти.

Как часто вижу ее во сне я...
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не смог
я с нею –
Ушла навсегда моя юность...
Ушла...